

ОБЩЕСТВО
«ЗНАНИЕ»
РСФСР

Ленинградская
организация

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ
ОТНОШЕНИЙ В СССР**

ОБЩЕСТВО «ЗНАНИЕ» РСФСР
Ленинградская организация

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СССР

(В помощь лектору)

Ленинград
1989

ББК66.5(2)

И92

Итс Р. Ф., Поздняков К. И., Путилов Б. Н. (сост.)

И92 Актуальные проблемы межнациональных отношений в СССР. — Л.: Знание, 1989. — 32 с.

(О-во «Знание» РСФСР. Ленингр. организация.) 500 экз.

Наряду с общими рекомендациями ученых-этнографов приводятся конкретные примеры, иллюстрирующие сложную ситуацию в области межнациональных отношений в нашей стране.

И 0802010206—058 187-89
073(02)—89

ББК66.5(2)

Рекомендовано к изданию секцией пропаганды истории КПСС и истории СССР при Правлении Ленинградской организации общества «Знание» РСФСР.

Актуальные проблемы межнациональных отношений в СССР

Составители: доктор исторических наук Р. Ф. Итс, кандидат философских наук К. И. Поздняков, доктор исторических наук Б. Н. Путилов

Научный редактор
доктор исторических наук А. Д. Дридзе

Ответственный за выпуск
референт Правления Ленинградской организации
общества «Знание» РСФСР А. Н. Костевят

Редактор А. И. Акопиан

Техн. редактор С. А. Кучерова

Корректор Р. В. Тышкевич

Сдано в набор 10.11.89 г.

Формат 60×90¹/₁₆.

Печать высокая.

Тираж 500 экз.

Подписано к печати 29.12.89 г.

Бум. тип. № 3.

Усл. п. л. 2.

Заказ № 1839.

М-21379.

Гарнитура литературная.

Уч.-изд. л. 2,25.

Цена 10 к.

Ленинградская организация общества «Знание» РСФСР

191104, Ленинград, Литейный пр., 42

Типография ЛДНТП (Невский пр., 58)

© О-во «Знание» РСФСР.
Ленингр. организация, 1989 г.

Дискуссия на сентябрьском (1989 г.) Пленуме ЦК КПСС еще раз продемонстрировала настоятельную потребность общества в разработке комплексной долгосрочной программы гармонизации межнациональных отношений на базе всестороннего изучения объективных процессов, на которые не могли не повлиять многочисленные факты грубых искажений ленинских принципов национальной политики. Ответственность за каждое политическое решение в этой области очень высока — любой неточный шаг может резко обострить ситуацию, вывести ее из-под контроля. В этом плане исключительную роль приобретает научное обеспечение национальной политики и в первую очередь — ее последовательная этнографическая экспертиза. Именно так строится сегодня национальная политика в большинстве развитых стран мира. Здесь не может быть общих рецептов — у каждого народа, в каждом отдельном регионе (иногда в каждой отдельной деревне) имеется собственная специфика, диктующая выбор того или иного конкретного подхода в национальной, культурной и языковой политике. Поэтому мы считаем полезным представить в этом издании, наряду с общими рекомендациями профессиональных этнографов, конкретные примеры, иллюстрирующие чрезвычайную сложность реальных проблем в области межнациональных отношений, стоящих перед нашим обществом.

В основу брошюры положены материалы дискуссии по проблемам национального возрождения, состоявшейся в Ленинградском Институте этнографии АН СССР в апреле 1989 года. С горечью приходится отмечать, что многие прогнозы специалистов, принявших участие в этом обсуждении, нашли прямое подтверждение в трагических событиях в Фергане, в обострившейся ситуации в целом ряде других регионов страны. Общие положения, высказанные в ходе вчерашних теоретических дискуссий, приобретают сегодня новый вполне реальный смысл на фоне тревожной хроники последних событий. Это позволяет считать, что за прошедшие полгода подготовленные материалы сохранили свою актуальность. Публикуя их, Институт этнографии АН СССР будет искренне признателен за все критические замечания по поводу высказанных соображений.

Р. Ф. ИТС, доктор исторических наук, К. И. ПОЗДНЯКОВ, кандидат философских наук, Б. Н. ПУТИЛОВ, доктор исторических наук

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ЭТНОГРАФИЯ

Решение современных межнациональных проблем, национального вопроса не придет само по себе. «Истматовские» кадры, ут-

верждающие и сегодня, что нет национального вопроса в СССР, дискредитировали себя. В плену прежних теоретических схем находится практически (судя по «круглым столам» и публикациям) и основной философский отряд обществоведов, включая и членов Комиссии по национальным отношениям ЦК КПСС. Даже то обстоятельство, что Комиссия придана орготделу ЦК КПСС, а не идеологическому, настораживает, ибо закрадывается сомнение в желании видеть в случившемся не проблему, ставшую культурно-нравственной, а лишь издержки, решаемые административным путем. Даже в органах облисполкомов и обкомов по национальным проблемам, уже созданных в Казахстане и других республиках, практически нет лиц, профессионально занимающихся изучением национальных культур и традиций. Отсутствие компетентной и профессиональной подготовки лиц, которым поручено руководить национальной политикой в стране, может привести к неверным решениям, которые уже быстро и не исправишь.

Пока не написаны истории народов, достойные их, необходим историко-культурный, национальный всеобуч. Школа и даже вуз такого всеобуча не дают. В то же время вся наша жизнь, каждый рабочий коллектив, каждое воинское подразделение все более и более интернационализируются. Если никто ничего не будет знать друг о друге, то коллективов не будет.

В то же время в стране есть профессионалы в области межнациональных отношений — этнографы. В начале 20-х годов именно они активно проводили ленинскую национальную политику на местах, используя не только достижения этнографической науки, но и широкие полномочия, предоставленные им советским правительством. Сейчас же этнографам в нашей стране, в отличие от развитых стран мира, отводится в решении этих вопросов второстепенная, вспомогательная роль.

Стране необходима настоящая серьезная этнографическая служба. Она должна быть государственной, без ее экспертной оценки ни одно ведомство не может принимать компетентных решений, затрагивающих народы, их суверенитет, хозяйство, их территорию.

Еще в 1969 году предлагалось (по этому вопросу Институт этнографии АН СССР направлял специальную служебную записку в адрес Л. И. Брежнева и А. Н. Косыгина) готовить на первоначальном уровне на кафедрах этнографии университетов Ленинграда, Москвы, Тбилиси, Еревана, Алма-Аты, Омска, Киева и на высшем уровне — через стажировку и аспирантуру на тех же кафедрах и в институтах этнографии АН СССР и союзных республик соответствующие кадры. Обращение к опыту и знаниям советских этнографов — залог более правильного решения острых национальных вопросов в СССР.

Р. Ф. ИТС, доктор исторических наук

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ЭКОЛОГИЯ

Особый аспект совершенствования национальных отношений — их прямая связь и зависимость от современной экологической ситуации.

Неконтролируемое индустриальное освоение мест исконного проживания многих народов и народностей нашей страны привело к деградации природы и, как следствие, к разрушению локальных этносистем. В таких местах окружающая природная среда уже не обеспечивает людей ресурсами и средствами для существования. Более того, биосфера приходит в такое состояние, когда она уже не может гарантировать условия для сохранения «качества населения» — физическое здоровье людей, уровень их интеллектуальных способностей, психофизиологический комфорт жизни, механизмы воспроизводства человеческих коллективов. За перечисленными обстоятельствами легко угадываются грозные тени роста детской смертности, сокращения общей продолжительности жизни, разрушения генофонда и, в конечном счете, депопуляции.

Например, смертность народов Севера уже несколько десятилетий не снижается, оставаясь на чрезвычайно высоком уровне, который превосходит в 2—3 раза этот показатель для РСФСР. Продолжительность жизни коренного населения северных районов составляет 45 лет для мужчин и 55 лет для женщин, что на 18 лет меньше, чем в среднем для населения страны. Таких низких показателей, по свидетельству мировой демографической статистики, не имеет ни одна промышленно развитая страна и большинство развивающихся стран земного шара. Высокая смертность — непосредственная причина того, что рост численности населения народностей Севера сократился в пять раз. Более того, у семи народностей из 26 численность даже уменьшилась. Под угрозой находится физическое и психическое здоровье северян. В полосу аналогичных бедствий вступило население Каракалпакии под влиянием Аральской катастрофы.

Дело не в перечислении фактов. Если практика социалистического природопользования, планомерные рациональные формы организации общества и развития его производительных сил не восторжествуют над антагонизмом взаимоотношений людей и природы, то целые народы окажутся на грани исчезновения.

Следует оговориться, что цепь обстоятельств, ведущих к срывам процессов биологического и социального воспроизводства жизни, к лишению жизненных основ начинается с преступлений против природы. Нарушения экологических закономерностей в комплексе порождающих их причин содержат и прямые извращения ленинской национальной политики. Именно «имперский» произвол экономического, политического, культурного толка, а то и прямое беззаконие поставили многие народы на грань катастрофы. Бездумное выкачивание ресурсов, превращение громадных

зон (повторимся — ареалов обитания исторически сложившихся там этнических групп и общностей) в объекты хищнической эксплуатации, наконец, безостановочные реформы сельского хозяйства, мягко именуемые теперь «перегибами», и другие проявления «пришельческого синдрома» сродни принудительному переселению крымских татар, немцев Поволжья, народов Северного Кавказа. И в том, и в другом случаях бюрократическая власть разного уровня фактически пренебрегала интересами целых народов, лишая их законных прав на саморазвитие и сохранение национально-культурной самобытности.

Гиперфункцией любой этнической культуры всегда было приспособление этноса к окружающему природному ландшафту. Отторжение людей от освоенной ими экологической ниши прямо и непосредственно ослабляет эти приспособляющие потенции. Деградация экосистем означает деградацию этнической культуры во всем ее диапазоне — от природно-хозяйственного базиса до духовной сферы. Следом за этим обозначается гибель самих этносов.

В свете сказанного взаимосвязь природоспасательных мер и мер, направленных на нормализацию, совершенствование процессов национального развития, не требует особых доказательств.

Альтернатива сегодняшней практике состоит прежде всего в экстренном прекращении природоистощительного хозяйствования и восстановлении традиционных отраслей хозяйства в масштабах, обеспечивающих соблюдение интересов коренного населения. Это означает перестройку всего социально-экономического комплекса в местах проживания коренного населения и создание необходимого числа зон традиционного природопользования (возможно, с особым охранным режимом). Неотложность такой меры не вызывает сомнений, ибо в ней содержатся одновременно и надежные гарантии активизации самосознания, возрождения утраченного адаптационного потенциала многих этнических культур.

Здесь открываются возможности для восстановления в правах всей системы традиционного природопользования, включающей в себя, во-первых, комплексный подход к эксплуатации природной среды с «проэкологическими» правилами распределения промысловых нагрузок; во-вторых, регламенты и нормы изъятия биотической массы и полезных ископаемых из природы; в-третьих, правила утилизации добытых продуктов; в-четвертых, меры по предотвращению загрязнения окружающей среды. Традиционное природопользование представляет, таким образом, определенную линию культурного развития, форму проявления сознательного подхода к природе и ее сбережению. Без преувеличения можно сказать, что экологическое сознание этносов, населяющих нашу страну, было достаточно развитым для того, чтобы понимать конечность ресурсов и пределы прочности экосистем, в которых протекала их жизнь. Поэтому возврат и возрождение широко понимаемых этнических традиций природопользования —

цель не только хозяйственная, но и культурная. Ее достижение непосредственно зависит от деятельности институтов обучения, образования, просвещения и воспитания, от средств массовой информации, которые обязаны вернуть в массовое сознание представления о необходимости сохранить природные богатства для каждого народа.

Важной представляется и политическая сторона дела. Разрушение, ущерб, невозстановимые потери природы тем сильнее, чем слабее сопротивляется этим тенденциям общественность — население территорий, локальные популяции, этнические общности. Приходится признавать, что «центр» еще не преодолел высокомерия, когда речь идет об освоении природных ресурсов «периферии». Всякий раз это освоение происходит на земле вполне определенного народа, отличающегося от других уникальными чертами национального характера, этнического облика, языка, уклада жизни. Здесь не имеет значения, велик ли этот народ или мал. Важно его нынешнее бесправие перед диктатом всемогущих общегосударственных ведомств. Для того чтобы преодолеть отрицательные последствия экологических ситуаций (абсурдные с точки зрения того, что классики марксизма называли условиями наиболее достойными человеческой природы), нужно предоставить законодательным путем коренному населению страны промысловые богатства рек, лесов, тундры, наделить его реальным правом быть коллективным собственником природных ресурсов в ареале своего обитания. Именно здесь усматривается один из важнейших социально-политических рычагов для преодоления отчуждения государства от интересов населяющих его народов и восстановления социальной справедливости. Данная мера, несомненно, положительно скажется на балансе межнациональных отношений в нашей стране.

Б. М. ФИРСОВ, доктор исторических наук

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ: КУЛЬТУРА И ОБЩЕСТВО

Можно утверждать, что к настоящему времени не имеется обоснованной теории межнациональных отношений, несмотря на то что количество публикаций, в которых рассматриваются их различные аспекты, проблемы межнационального общения и анализируются способы осмысления этих явлений, — огромное количество. В связи с этим межнациональные отношения объясняются напрямую с позиций идеологии, решение межнациональных проблем опирается на исторический опыт, но обосновывается идеологическими или политическими установками. Не случайно в обсуждении и принятии решений по этим вопросам участвуют преимущественно политики и идеологи (философы).

Наиболее слабым звеном в теоретических построениях по национальному вопросу следует признать неопределенность явления, стоящего за понятием «культура». Общество и культура —

различные системы, обладающие своими закономерностями, постоянно вступающими в противоречие, но и не существующие од-но без другого. Национальная общность как множество людей со-всем не обязательно совпадает с социальной общностью и ее фор-мами (социально-административной структурой), а в развитых государственных формах общества, как правило, не совпадает, хотя общественное сознание стремится в ряде случаев отождест-вить эти два вида общности (культурную и социальную). Куль-тура — исторически складывающаяся система форм, в которых реализуется общественная жизнь. В отдельной социальной систе-ме может быть представлено множество культурных систем (со-ответственно и этносов, национальных групп), но одна культура (соответственно и этнос, национальная группа) может быть пред-ставлена в разных социальных системах. Культура, в отличие от социальной системы, чувственно дана в восприятии, первична для индивида, являясь тем не менее всегда результатом деятель-ности социальной системы в целом. Противоречие культурного и социального не всегда ведет к конфликту культурных общностей в рамках социальной системы.

В основе любых проявлений межкультурного (межнациональ-ного) конфликта лежит ситуация, ставящая культурные (нацио-нальные) общности в отношении иерархического подчинения. Это возникает тогда, когда культурное (национальное) отождествля-ется с социальным, а также в тех случаях, когда культура пони-мается как абсолютно самостоятельное явление (и соответствен-но — национальность), независимое от социальной системы, со-циальной общности.

Учитывая характер соотношения динамики общественной и культурной систем, можно констатировать, что существует толь-ко один реальный путь снятия культурных (межнациональных) конфликтов: предоставление права на любом уровне социальной организации снизу доверху национальным группам самостоятель-но решать вопросы культурного развития и введение запрета на решение этих вопросов со стороны представителей иных нацио-нальных групп (воспитание, образование, язык, национальная символика и пр.). Только в этом случае социальная динамика не тормозится, а наоборот, ускоряется, приобретает устойчивость, но не стагнации, а ускорения.

Н. М. ГИРЕНКО, кандидат исторических наук

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА

Традиционная духовная культура народов нашей страны на-ходится в тяжелом положении как в целом, так и в разных ее составляющих. Традиционная духовная культура — это сложный разветвленный комплекс, которым владеет каждый этнос соответ-ственно стадияльному уровню и исторической специфике разви-тия. Этот комплекс включает: язык, систему представлений о ми-

ре, о природе и обществе; совокупность знаний и практического опыта, относящихся к хозяйственной, производственной деятельности, к сохранению здоровья; систему традиционных обычаев, стереотипов поведения, норм взаимоотношений, этикета; народную педагогику; систему обрядов, ритуалов, церемоний, праздников; фольклор в многообразии жанров и форм, музыку, хореографию, театральные формы; богатейшие традиции искусства — декоративного, прикладного, собственно художественного...

Вся эта культура не есть нечто внешнее для этноса, она на протяжении веков выполняла важнейшие функции, связанные с его жизнеобеспечением, была выражением его самосознания, его отношения к миру. Эта культура была и остается источником и базой развития цивилизации в формах национальных культур.

Традиционная духовная культура подвергается естественному разрушению, различные ее виды угасают либо трансформируются — в результате урбанизации, внедрения современных видов культуры, увлечения модой и т. д. Но этот естественный процесс в течение десятилетий принимал противоестественный уклон из-за вмешательства, подчас грубого, со стороны общества, партийных и советских органов, печати, учреждений культуры и т. д. Из огромного массива традиционной культуры лишь небольшая часть получала общественную поддержку, находила пропаганду, популяризировалась, при этом часто неумело, дилетантски, основной же массив обрекался на забвение, ряд явлений подвергался преследованиям, якобы из-за идейного и другого несоответствия нормам социалистического общества. Традиционная духовная культура окружена равнодушием и непониманием, на нее нередко смотрят как на проявление отсталости, невежества, предрассудков и т. д. Под влиянием официально насаждавшихся взглядов сложилось мещански-обывательское отношение. Это в равной степени относится к явлениям традиционной культуры народов зарубежных стран: нельзя без стыда вспоминать о том, как массы ленинградцев воспринимали выступления участников фестиваля индийского искусства — они смотрели на выступавших как на дикарей. Это, конечно, результат воспитания десятилетиями. Наша печать, телевидение могут сколько угодно говорить о прекрасном народном творчестве: оно по привычке, опять-таки воспитанной десятилетиями, воспринимается лишь праздничной, парадной стороной. Это относится и к различным видам народного искусства.

Исторически народные традиции в сфере культуры отступают перед современной культурой. Но совершенно ошибочно стремление ускорить эти процессы, активно на них воздействовать. Народная традиционная культура должна быть освобождена от политических оценок и идеологического давления. В отношении к ней должна преобладать терпимость. Нельзя совершать над нею насилия, нельзя подвергать ее преследованиям, осмеянию, запретам и проч. Сфера народной традиционной культуры должна быть освобождена от администрирования и вмешательства некомпетентных.

тентных людей и организаций. Необходимо предоставить ей и всем ее формам возможность свободного и естественного функционирования. Попытки искусственной замены традиций новациями не должны иметь место, такая замена может осуществляться лишь на началах свободного соревнования. Практика изобретения и «внедрения» новых обрядов и праздников в ее современных формах — лишь компрометация культурной политики партии. Ни к чему, кроме насаждения мещанских вкусов и пошлости, она не приводит. Напротив, возрождение некоторых обрядов и праздников, долгое время находившихся под запретом, может и прослужить духовному и нравственному пробуждению людей, особенно когда оно получает отчетливо выраженную этническую окраску.

Народной традиционной культуре не нужна опека, но отдельным ее формам нужна помощь, особенно когда за нею обращаются ее носители. Правилom должно стать — содействие сохранению, поддержанию, восстановлению тех или иных форм народной культуры. При этом главное внимание должно уделяться функционированию ее непосредственно в среде этноса, а не театральным, выставочным, индустриально-туристическим формам. Самое главное — чтобы этническая среда имела возможность пользоваться своей культурой в традиционных бытовых формах.

Необходимо воспитывать в обществе сознание ценности, важности традиционной культуры любого этноса как таковой, ибо такое сознание есть одно из важнейших слагаемых интернационализма. Лишь уважение к чужой культуре в любых ее проявлениях, понимание ее значимости для данного народа способно искоренить чувства национального превосходства, пренебрежения к другим народам. Путь к этому — через разъяснение равноценности культур и уяснение роли их в жизни народов. Нужны специальные популярные книги самого разного профиля, раскрывающие специфику культур во всех их сферах. Нужны соответствующие программы телевидения, кинофильмы и т. д. Люди с детства должны воспитываться воспринимаящими «чужую» культуру как нечто совершенно естественное, закономерное, а не что-то экзотическое, странное или дикое. Идеальным было бы включение в программу школы предмета, который давал бы основы этнографических знаний, в центре которых были бы знания этнических традиционных культур. Это в неменьшей мере касается и народов зарубежных стран.

В целях упрочения и развития национальных традиционных культур необходимо давать специальное образование представителям разных народностей в высших учебных заведениях, готовящих кадры хореографов, художников, скульпторов, музыкантов и т. п. Все это для того, чтобы было кому развивать традиционное наследие, совершенствовать его, придавать ему новые формы, со-

держание, соответствующие современным вкусам, запросам носителей этих культур.

Б. Н. ПУТИЛОВ, доктор исторических наук

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И РЕЛИГИЯ

Один из важнейших аспектов национальных проблем, который обычно недооценивается, можно назвать идейно-бытовым. Он включает особенности культуры на бытовом уровне и конфессиональные особенности. Объединяются эти две стороны по той причине, что в жизни они включают комплекс стереотипов поведения и религиозное мировоззрение. Это имеет свои основания. Так, например, в исламе быт почти полностью регламентируется религиозными установлениями, быт и религия здесь неразделимы и очень сильна морально-этическая сторона, которая, впрочем, наличествует в каждой религии.

Этот аспект представляется наиболее трудным для учета, и чтобы он не стал причиной конфессиональных или национальных разногласий, необходимо сближение различных народов в этом плане. Но такое сближение, очевидно, должно происходить путем замены религиозного мировоззрения на мировоззрение научное, социалистическое, интернационалистское. На этот аспект необходимо обращать внимание по той причине, что у части нашего населения религиозное мировоззрение (на основе христианства или ислама, или иной религии) продолжает сохраняться. Оно формируется в детстве и сопровождает человека всю жизнь. Воспринимается же оно как культурное достояние предков и как национальное своеобразие. Смешивается, таким образом, аспект конфессиональный и национальный. Не случайно во время демонстраций в Баку в течение 1988 года в толпе появлялись зеленые знамена ислама.

Практика прошлых лет (после смерти В. И. Ленина, при жизни которого в национальном строительстве действовал целый ряд выдающихся деятелей) показывает, что применение насилия и принуждения, закрытие церквей и мечетей, уничтожение соборов дает немного. Таким образом, его должно заменить постепенное, ненасильственное, осуществляемое самой жизнью вытеснение религиозного сознания и мировоззрения и части связанных с ним бытовых стереотипов. Этому процессу следует способствовать, но нельзя его навязывать. Любое навязывание вызовет обязательно отрицательную реакцию, что затруднит дело. Достигнуть этого можно было бы путем распространения образования, улучшения его качества, повышения его уровня, создания условий, когда дети действительно будут его получать (вспомним о ставшей недавно известной широкой практике привлечения школьников и студентов к уборке хлопка в среднеазиатских республиках, приводшей к тому, что дети фактически школу почти не посещали), путем изменения быта через внедрение средств техники и други-

ми способами. Такое изменение потребует долгого времени — представляется, что не менее трех поколений, — но зато достигнутый результат будет необратимым.

Главной задачей партийных и советских работников в этом деле должно быть стремление избегать возможных оскорблений национального (или религиозного) чувства населения, с которым они имеют дело. В связи с этим полезны, видимо, будут комиссии по национальным проблемам, которые предполагают создать при партийных и советских органах, но необходимо, чтобы в них входили специалисты — этнографы, языковеды и др., ибо в противном случае это будет еще один бесполезный бюрократический орган.

В. В. МАТВЕЕВ, кандидат исторических наук

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ЯЗЫК

Языки народов СССР объективно имеют различный социолингвистический статус, как бы мы к этому ни относились. Различия в статусе, скажем, русского и юкагирского языков или цыганского и литовского языков не должны игнорироваться в реалистичной политике — любое политическое и правовое решение, имеющее целью устранить эти различия, является не только вредным, поскольку рано или поздно приводит к обострению межнациональных отношений, но и неэффективным, так как не учитывает объективные законы функционирования языков. Один и тот же язык часто имеет различный статус в разных регионах страны (сравним, например, условия функционирования таджикского языка в Душанбе, в Самарканде или в Москве). Следовательно, языковая политика, претендующая на конструктивность, должна учитывать и этот фактор.

В настоящее время подавляющее большинство дискуссий, затрагивающих проблемы языкового строительства, концентрируется вокруг проблем русско-«национального» двуязычия. Для определения социолингвистического статуса языков используется при этом крайне ограниченный набор понятий, а именно: 1) «язык, добровольно принятый в качестве языка межнационального общения» (русский язык); 2) «государственный язык» республики; 3) «национальный язык», куда включаются все языки, кроме русского и государственных языков (реальных и потенциальных). Более того, все чаще звучат призывы упростить и эту примитивную схему: 1) за счет придания общего правового статуса русскому и государственному языку республики (сравним предложения эстонского Интерфронта о двух государственных языках — эстонском и русском; аналогичные предложения по Молдавии и т. д.); 2) за счет придания общего правового статуса русскому и «национальному» языку (например, русскому и литовскому языку в Эстонии в противовес эстонскому языку). Оба указанных пути заведомо бесперспективны и являются столь же оторванными от

жизни, как и объявление равенства всех языков в Конституции СССР. Это очевидно и авторам самых радикальных проектов — так, даже в первоначальном варианте проекта Закона о языке Эстонской ССР конкретные положения отдельных статей давали русскому языку бесспорные правовые преимущества по сравнению с латышским или киргизским, тем самым констатируя особый статус русского языка в жизни республики. Столь же оторваны от реальности попытки закрепить за русским языком статус второго государственного языка республики. Русский язык и язык, наиболее распространенный в республике, нужно не сталкивать лбами, а напротив — разводить в рамки разных официальных статусов, тем более, что за этим стоит социолингвистическая реальность. Для этого необходимо не сокращать официально утверждаемые параметры описания языков, сводя их к двум или даже к одному, а напротив — расширить их до разумного предела.

Для того чтобы обеспечить реальное право каждого языка на жизнь без ущемления аналогичного права других языков, необходимо отталкиваться от реального разнообразия языковых ситуаций и строить языковую политику с опорой на 4—5 наиболее важных «точек» с четко определенным правовым статусом каждой из них:

1. Выбор *государственного* языка республики — дело самой республики. Очевидно, что утверждая тот или иной язык в качестве государственного, республика в состоянии сама обеспечить его правовую защиту и создать условия для его развития.

2. Статус *межнационального* языка в СССР полномочна рассмотреть только сессия Верховного Совета СССР, но не республика. Очевидно, что единственным таким языком в настоящее время может быть только русский язык — реальный язык межнационального общения в СССР. Для этого языка должна быть четко определена правовая основа, с тем чтобы исключить малейшую возможность использования русского языка в ущерб другим языкам, в том числе и в ущерб государственным языкам республик. «Права» межнационального языка можно свести к трем пунктам: а) право его использования в межреспубликанских отношениях и в отношениях республики и центра; б) право его использования в межавтономных отношениях, включая в перспективе и отношения национально-культурных автономий; в) право граждан, а также любого учреждения получить необходимую информацию на межнациональном языке в любом государственном учреждении страны. Эти три положения не могут, очевидно, затруднять функционирование ни одного другого языка. Вместо термина «межнациональный» вполне может использоваться термин «официальный язык». Именно этот термин введен в конституции многих полиэтнических стран, не считающих целесообразным вводить единый государственный язык. Мировая практика показывает, что представители различных этносов с пониманием отно-

сются к введению официального языка (в частности, языка деловой переписки) даже в том случае, если в качестве официального выбирается язык бывшей метрополии (сравним, например, многие африканские страны с официальным французским или английским языком). Любое действие, направленное на превышение прав межнационального языка, оговоренных в правовых документах, должно рассматриваться как нарушение законности.

3. Особый статус должен быть обязательно предусмотрен для так называемых «малых» языков, находящихся под угрозой исчезновения. «Малые» языки должны быть признаны общегосударственным достоянием и находиться под защитой Верховного Совета СССР с тем, чтобы исключить многочисленные случаи варварского отношения к таким языкам на местах. В каждом языке хранится память о культурах, исчезнувших много тысяч лет назад. Словарный фонд «малых» языков часто имеет решающее значение для восстановления древнейшей человеческой истории дописьменного периода. Гибель каждого языка — невосполнимая потеря. Как общенародное достояние любой «малый» язык должен иметь поддержку (в том числе и финансовую) центра, а не только республики. Это принципиальный момент, поскольку практика показывает, что расчет на добрую волю местных органов управления оказывается в данном случае неэффективным. Если создание условий для свободного развития *всех* языков страны является одной из главных целей языковой политики, то следует признать, что необходимо проведение безотлагательной общесоюзной кампании по спасению языков, до сих пор не имеющих письменности, до сих не имеющих букварей, — языков, на которых не ведется преподавание в школах (а оно не ведется на 165 из 204 языков народов СССР!). Одной из наиболее эффективных мер должно стать планомерное создание культурных центров для носителей каждого языка по типу советских культурных центров за рубежом: с курсами их языка (закладающими базу для будущих школ), с краеведческой библиотекой, с записями фольклорных материалов. ВУЗы страны должны получить заказ на подготовку квалифицированных кадров для центров по развитию «малых» языков. Подобные центры должны быть ориентированы на создание в перспективе своеобразных заповедных зон для малых языков, находящихся под охраной государства. Один из возможных критериев для внесения языка в «Красную книгу» с соответствующим статусом «малого» языка мог бы быть, например, следующий. Этот язык должен характеризоваться хотя бы одним из перечисленных ниже контрольных признаков: а) число носителей менее 50 тысяч, б) отсутствие письменности, в) отсутствие школьного преподавания, г) отсутствие компактной территории распространения языка в пределах страны. Обозначенные здесь возможные критерии для отнесения языка к разряду «малых» могут быть уточнены или заменены более удачными. Важ-

но, чтобы статус «малого» языка давал ему реальную правовую защиту.

Все остальные языки, т. е. не имеющие статуса «межнационального», «государственного» или «малого» языка, можно рассматривать как «региональные», т. е. языки, развитие которых обеспечивается местными органами управления соответствующего региона. Развитие национально-культурных автономий, возможно, сделает целесообразным введение особого статуса «языка автономии». Необходимо также предусмотреть защиту прав граждан СССР, проживающих вне основной территории распространения их родного языка, в частности в больших городах. Невнимание к этому фактору приводит к катастрофическим последствиям, создавая благоприятные условия для утверждения «полуязычия» — ситуации, при которой человек вообще не имеет родного языка, владея на примитивном уровне несколькими языками как иностранными (по некоторым данным, число «полуязычных» граждан достигло в нашей стране нескольких миллионов). В таких городах, как Москва и Ленинград (возможно, и в некоторых других), должны быть созданы мощные культурные центры народов СССР по модели советских культурных центров за рубежом. Статус «экстерриториального» языка должен обеспечиваться реальными правами. Именно в этом направлении велась интенсивная работа в двадцатые годы (например, попытки введения законодательного права на национальные классы, национальные школы для лиц некоренных национальностей). Возрождение аналогичных правовых норм позволило бы наполнить реальным содержанием требование XIX партийной конференции, согласно которому человек должен чувствовать себя как дома в любой части нашей страны.

К. И. ПОЗДНЯКОВ, кандидат философских наук

ПРОБЛЕМЫ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ У НАРОДНОСТЕЙ СИБИРИ И СЕВЕРА

Районы проживания народностей Севера занимают около половины территории СССР. В 1925 году специальным постановлением ЦИК и СНК саамы, ненцы, ханты, манси, энцы, нганасаны, селькупы, кеты, эвенки, эвены, долганы, юкагиры, чукчи, коряки, эскимосы, алеуты, ительмены, тофалары, ульчи, нанайцы, нивхи, удэгейцы, негидальцы, ороки, орочи, чуванцы выделены в особую группу малых народностей Севера. Сейчас общая численность этих народностей превышает 160 тысяч человек. Современное состояние межнациональных отношений у этих народностей по сложности, пожалуй, не уступает таким накаленным национальным регионам, как Прибалтика и Закавказье, хотя и имеет присущую именно этому региону специфику. Здесь теневые стороны в межнациональных отношениях также накапливались десятилетиями и вылились сейчас в сложнейшие противоречия, без пре-

увеличения называемые «большими проблемами малых народов». Круг этих проблем широк, так как охватывает все сферы жизни, но самыми узловыми, от решения которых коренным образом зависит национальное благополучие народов Севера, являются две — экономика и язык.

Центральная проблема экономики для малых народностей Севера — это состояние традиционных отраслей хозяйства (оленьеводство, морской зверобойный промысел, охота, рыболовство), с нормальным функционированием которых связывается ныне во многом этническое благополучие, а в ряде случаев и само существование того или иного народа или его отдельных групп.

Известно, что многие районы проживания народностей Севера (в первую очередь, Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский АО, окрестности БАМа) являются ныне зонами интенсивного индустриального освоения. Здесь рубят лес, строят электростанции, работают нефте- и газодобывающие центры, предприятия горнодобывающей, химической промышленности и т. д. Ныне практикуемые методы промышленного освоения и эксплуатации природных богатств этих районов ведут к быстрой, а иногда и необратимой деградации природной среды — разрушается покров тундры, загрязняются водоемы и нерестилища, гибнет лес и пр. Именно с этой разрушаемой природной средой целиком и полностью связано традиционное хозяйство коренных народностей Севера и их жизнь. К сожалению, интересы коренного населения повсеместно отодвигаются на второй план из тех, видимо, соображений, что производимая им в основном промыслово-сельскохозяйственная продукция в экономическом балансе северного региона на фоне огромных индустриальных объемов стала почти незаметной. Последствия этой политики весьма плачевны.

В Ямало-Ненецком АО в связи с сокращением пастбищ и промысловых угодий в настоящее время тысячи лиц коренных национальностей не имеют работы. От строительства и эксплуатации БАМа более всего страдают два эвенкийских совхоза — «Заря» и «Лениноктон», расположенные на западе Амурской области непосредственно в зоне магистрали. Трасса БАМа проходит прямо по их оленьим пастбищам. Особенно трагично это для «Зари», центральная усадьба которой находится всего в 12 км от г. Тынды. В этом совхозе общее сокращение поголовья оленей за последние 15 лет (1971—1986 гг.) составило 76,8 %. На территории совхоза «Улген» создает экологическую напряженность и приносит огромный вред пастбищам золотодобыча. Здесь за последние 15 лет уменьшение совхозного стада составило 21,2 %. В ближайшее время в северных районах Амурской области планируется строительство химических заводов, возведение Дамгарской ГЭС, отведение части таежных угодий под лесоразработки силами рабочих из КНДР. При осуществлении этих планов экологическая ситуация в районе проживания эвенков приобретает кризисный характер.

Примеры подобного рода можно приводить бесконечно по самым различным районам Севера.

Итак, в районах, охваченных промышленным освоением, положение традиционного хозяйства становится на грань катастрофы. Менее тяжелое, но достаточно тревожное положение создается и в тех районах, которые этот процесс непосредственно не затронул. Виной тут, насколько может судить неэкономист, неумелое хозяйственное руководство этими достаточно специфическими отраслями народного хозяйства, в частности необдуманное перенесение опыта хозяйствования в центральных районах страны на почву Севера, непрерывные реорганизации, нежелание перенимать или хотя бы принимать во внимание опыт и знания коренного населения. Отсюда волюнтаристские решения о концентрации населения в крупных поселках, о слиянии небольших, часто разнопрофильных колхозов, об организации гигантских совхозов. Свою роль сыграло и необоснованное решение о завершении к 1990 году перевода всех народностей Севера на оседлый образ жизни. Все эти мероприятия несомненно упростили вопросы снабжения, строительства, оказания медицинской помощи, культурно-просветительной работы, образования. Но нарушение традиционной системы расселения привело к тому, что заброшенными оказались многие промысловые угодья и плодородные земли, а в поселках плохо решаются вопросы трудоустройства коренного населения, остро стоит квартирный вопрос. В результате всей этой деятельности подорванной оказалась дающая наибольшие доходы отрасль северного хозяйства — оленеводство. поголовье домашних оленей в стране составляет всего 1,8 млн. голов — самое низкое за всю историю оленеводства в текущем столетии. Ныне почти все промыслово-олeneводческие хозяйства на Севере являются планово-убыточными, т. е. находятся под угрозой гибели.

Что означает для коренного населения Севера утрата традиционного хозяйства? Промысловое хозяйство и оленеводство — это не просто средства существования, они определяли образ жизни, лежали в основе всей культуры. У нас уже есть примеры катастрофических последствий ликвидации традиционных отраслей хозяйства. В Верхнебурейском районе Хабаровского края оленеводство было ликвидировано в конце 60-х годов как нерентабельное. Уже через десять лет, к концу 70-х годов половина эвенкийского населения этого района утратила родной язык, а традиционная культура стала переходить в область народной памяти, этнического сознания. Этот же процесс с утратой оленеводства наблюдается у нганасан. В ряде случаев отсутствие возможности заниматься привычными видами хозяйственной деятельности приводит к распылению целых территориальных групп коренного населения. Это произошло в 70-е годы с сымскими эвенками, а еще раньше — с науканскими эскимосами.

Сейчас в традиционных отраслях производства занято менее 43 процентов трудоспособного населения из числа коренных севе-

рян (еще 30 лет назад — более 70 процентов). Но даже меньший процент населения, работающего в традиционных отраслях производства, является основой национального сплочения и гарантом сохранения народности как этнического целого. Так, в Амурской области заняты в традиционных отраслях хозяйства всего около трети населения. Остальные трудятся в таких сферах, как нетрадиционное сельское хозяйство, просвещение, культура, здравоохранение, торговля, общественное питание. Лица, не имеющие теперь по роду своих занятий отношения к охоте или оленеводству, хотят сохранения этих отраслей не только потому, что связывают с ними благополучие своей жизни, но в силу традиционной психологии и этнических привычек. Интересами традиционных отраслей живет все эвенкийское население совхозов.

С конца 40-х годов на Север хлынул поток населения из разных районов страны. Вследствие этого население Севера возросло во много раз, численность же коренного населения увеличилась незначительно. Его доля резко упала и составляет сегодня от 23 в Корякском до 3 процентов в Ханты-Мансийском округах. Характер пришлого населения очень разнороден — от сезонных полевых рабочих в составе различных экспедиций и партий до достаточно стабильного населения, которое живет на Севере до нескольких десятков лет. Обычно приезжее население именуется «русскими». На самом деле его национальный состав пестр — наряду с русскими здесь много украинцев, белорусов, евреев, эстонцев, татар и т. д. Отношения между приезжим и коренным населением имеют характер столкновения двух разных культур, разных образов жизни, разных мировоззрений, ценностных ориентаций.

Межэтнические отношения в среде коренных сибирских этносов (будь то процессы консолидации, межэтнической интеграции, ассимиляции) проходят естественно и достаточно спокойно. Определенную тревогу вызывает лишь обострение межэтнических отношений в отдельных поселках. Совершенно иной характер носят отношения между коренным и пришлым населением. В ряде случаев эти отношения принимают характер конфронтации. Далеко не все приезжие из разных концов страны имеют достаточно высокий уровень культуры и склонны доброжелательно относиться к местному населению. Повсеместно в районах Севера разоряют памятники культуры, культовые места, кладбища, изымают (мягко говоря) вещи оленеводов и охотников, оставленные на зимних и летних стоянках. В иных случаях ущемляются интересы местного населения в промысловой деятельности, в управлении производством и культурой.

В Ямало-Ненецком АО до 1961 года руководителями всех оленеводческих хозяйств были ненцы (отдельных — ханты и коми). Среди них были знатные оленеводы, благодаря своим производственным успехам известные и за пределами округа. В начале 60-х годов произведено укрупнение хозяйств, колхозы были объ-

единены и преобразованы в совхозы, на посты директоров совхозов назначены специалисты сельского хозяйства из числа некоренного населения, подавляющее большинство которых было слабо знакомо с оленеводством, не владело языком коренного населения. Бывшие председатели-ненцы в лучшем случае становились руководителями оленеводческих бригад. В результате руководство совхозов ныне оторвано от массы оленеводов, которые перестали принимать участие в решении проблем отрасли.

«Русское» руководство различных промысловых хозяйств часто отдает предпочтение физически сильным, заинтересованным только в высоких заработках, свободным от моральных обязательств перед природой Севера и его коренными жителями приезжим промысловикам, в конкуренции с которыми местное население проигрывает. Это нередко создает конфликтные ситуации, и примеров такого рода очень много.

Несколько лет назад в госпромхозе «Таймырский» существовали бригады отстрельщиков дикого оленя из местного населения. Они, как правило, не справлялись с плановым заданием. Кроме факторов традиционной культуры, препятствующих поголовному уничтожению стада, играло роль и то, что люди в этих бригадах были гораздо слабее физически членов бригад, нанимаемых на сезон отстрела со стороны. В 1983 году совхоз «Волочанский» потерял последних домашних оленей, и традиционные оленеводы, в основном нганасаны, принуждены были осесть с семьями в поселке. Причем совхоз не смог обеспечить их жильем и работой, которая могла бы материально компенсировать заработок оленеводов. Осевшие семьи оказались буквально в бедственном положении. Осенью, накануне отстрела диких оленей, «русские», сговорившись между собой, сформировали свои бригады отстрельщиков, а с включением в них нганасан и долган были проблемы.

Промхозы и совхозы не обеспечивают занятости всего трудоспособного местного населения. Способности природных промысловиков, их экологические знания ныне не только не реализуются в полной мере, но и утрачиваются. Исчезновение оленеводства у кетов сказалось и на организации зимнего охотничьего промысла. Отсутствие транспорта (как правило, мотонарт у кетов нет) вынудило их вернуться к трудоемкому способу зимнего кочевания с ручной нартой. Эти проблемы коренного населения руководство хозяйств не принимает во внимание, опираясь в своей деятельности прежде всего на пришлый контингент охотников.

Обострение межнациональных отношений в большинстве случаев связано с неравномерным распределением социальных благ, что в свою очередь связано зачастую с тем, что ключевые посты в управлении местным хозяйством, а часто и в поселковых Советах заняты представителями приезжего населения. Раздражение у местного населения вызывает стремление создать сезонным охотникам режим наибольшего благоприятствования в ущерб промысловикам коренных национальностей (распределение уго-

дней, которые когда-то были родовыми, семейными, промыслового оборудования, преимущества в вертолетных рейсах, снабжении горючим и т. п.).

На Таймыре, там, где местные и «русские» охотники работают бок о бок, распространена и взаимопомощь, и взаимовыручка, однако охотничий домик «русского» обычно более теплый, более благоустроенный. Иногда пушнину или рыбу охотников коренных национальностей приемщик оценивает ниже, чем пушнину и рыбу «русского» охотника. Если старики обычно в таких ситуациях не высказывают возмущения, то молодежь с трудом терпит подобное отношение. Если скандал не возникает сразу, то глухое недовольство постоянно присутствует и может проявиться в подходящих условиях.

Места открытия новых скважин на Ямале становились районами «обустройства» — для нефтяников и газовиков завозилось все необходимое, строились поселки и целые города, которые по благоустройству бесконечно отличаются от старых баз оседлости совхозов, в которых сосредоточено местное население. Ущемлены представители местного населения и в оплате труда, хотя все работники округа трудятся в одинаковых условиях Арктики, в совхозах и оклады, и коэффициенты ниже, чем в организациях нефтегазовой промышленности. На обустройство одного городского жителя приходится в 18 раз больше средств, чем на одного сельского жителя. Все это не проходит мимо внимания коренного населения, вызывая справедливую обиду.

Упадок традиционного хозяйства, изменения в структуре населения привели в ряде мест к кризису социально-брачных отношений. Такие проблемы отмечены у кетов и селькупов. Разница в социально-профессиональном уровне женщин и мужчин, отток из региона молодых женщин делают бесперспективным семейное устройство мужчин в возрасте 20—40 лет. Затруднения с заключением брака характерны и для мужчин, занятых в оленеводстве, так как в этой отрасли хозяйства бытового (семейного) кочевания теперь не предусматривается. Среди межнациональных браков наиболее престижными остаются браки с «русскими». Однако в подавляющем большинстве случаев мужчина-русский, осев в национальном поселке, женившись на женщине коренной национальности, став отцом ребенка, а иногда и двоих-троих, стремится в конце концов к возвращению на родину. Их жены предпочитают оставаться с детьми в своей среде, среди родственников. Отсюда относительно быстрый рост количества матерей-одиночек. В некоторых поселках Таймыра, например, они составляют почти треть всех семей.

Люди, по тем или иным причинам потерявшие связь с традиционным производством, и, как это часто бывает, не нашедшие себе применения в других трудовых сферах, а также молодежь, не желающая работать в оленеводстве и других отраслях промыслового хозяйства из-за их «непрестижности», тяжелых усло-

ный труда, занимаются неквалифицированным физическим трудом в поселках (разнорабочие, уборщицы и т. п.). К сожалению, до самого последнего времени в социологической литературе это тревожное явление рассматривалось как прогрессивная тенденция — «рост прослойки рабочего класса». На самом деле это показатель неблагополучия в социально-экономической сфере.

Вот на этом тяжелом социально-экономическом фоне развиваются межэтнические отношения между коренным и приезжим населением, вызывающие большую тревогу. У местного населения они выражены, как правило, в глубоком социальном отчуждении, пассивности, пессимизме, характерных для людей, оторванных от своей культуры и не нашедших места в жизни. Отсюда такие явления, как алкоголизм, бытовой и производственный травматизм, самоубийства, реже — агрессивность. Все это отражает состояние психики и здоровья в целом у коренного населения. Как стало известно, для малых народностей Севера характерен высокий уровень смертности, в частности детской, и очень низкая продолжительность жизни даже на фоне общесоюзных показателей.

Приезжее население, со своей стороны, считает возможным открыто выражать негативное отношение к местным жителям. С одной стороны, на личностном уровне — это пренебрежительное и презрительное отношение к ним как к никчемным людям, дикарям, пьяницам, не умеющим ни работать, ни жить. Стараясь не входить с местными жителями ни в какие контакты, они не видят и не понимают древней и самобытной культуры коренных народностей, оказавшихся в очень тяжелом положении. А на государственном уровне — это чрезмерная опека, желание с самых ранних лет и вплоть до окончания высшего учебного заведения водить людей за руку. Это происходит от недооценки способностей людей, недоверия к их творческим возможностям, что в свою очередь лишает их самостоятельности, веры в собственные силы. В ряде случаев человек, привыкший к постоянной мелочной опеке, к руководству всеми своими действиями, в конечном итоге оказывается неспособным вести самостоятельную квалифицированную работу, к которой он по идее был подготовлен. Такие истории характерны, например, для Таймыра, где отмечен ряд случаев, когда выпускник культпросветучилища, назначенный заведующим поселковым клубом, через год-два становится там же истопником, а высококвалифицированный преподаватель русского языка и литературы в старших классах школы — воспитателем начальных классов. Их должности замещали «русские» или долганы.

В то же время приезжее население часто выражает недовольство практикой гособеспечения детей коренных национальностей, а в ряде районов, например на Дальнем Востоке, — предоставлением права на отлов осетровых рыб для местного населения. Такой бытовой шовинизм усугубляется в ряде случаев и перенесе-

нием конфликтных ситуаций в пограничных районах на местное население.

Остро стоит вопрос о сохранении родного языка, потребность в котором органически присуща каждому народу. Положение родных языков коренных народностей Сибири на фоне повсеместного двуязычия вызывает большую тревогу. Практически для почти всех малых народностей Сибири характерно то, что многие представители младшего поколения (до 25 лет) совсем не знают родного языка, остальные владеют им лишь на уровне понимания, но активно пользоваться родной речью могут единицы. Основная причина заключается в том, что у детей существует вынужденный односторонний выбор лишь в пользу русского языка, поскольку условия для овладения родным языком явно неблагоприятны. Вся работа в детских учреждениях проводится на русском языке, начиная с яслей, и в школах в соответствии с учрежденной программой русский язык функционирует в качестве основного средства обучения. Родной язык преподается как один из предметов в младших классах (с 0 по 3). Но и эта практика далеко не повсеместна. Чтобы расширить преподавание родных языков, нужно довести до конца начатое еще в 30-е годы дело издания букварей и учебной литературы на языках народностей Сибири. (Долганский букварь все еще находится в стадии разработки, нганасаны и некоторые другие народности до сих пор не имеют своей письменности). В ряде случаев необходимо идти по пути диалектического обучения учащихся (существующие ныне учебники эвенкийского языка неприемлемы для школ Амурской области из-за различия диалектов). Во многих поселках сложности преподавания родных языков определяются многонациональным составом учащихся. Здесь возможно искать варианты объединения групп учащихся близких классов. Одним из основных условий выполнения этой программы является осуществление конкретно направленной, целевой подготовки нужного количества преподавателей родного языка из числа выпускников школ районов. Педагогические центры, где проводится изучение северных языков (Новосибирский университет, педагогические институты Ленинграда, Томска, Таганрога и др.), хорошо знающие обстановку на местах, могли бы проводить эту работу более ориентированно.

Исключительно большое влияние на процесс перехода к русскому языку оказывает тот факт, что дети с самого раннего возраста берутся на полное государственное обеспечение и большую часть года постоянно находятся в школах-интернатах, где иногда не имеют возможности часто общаться с родителями, даже если они живут тут же в поселке. Наконец, единственным языком средств массовой информации во многих районах является русский язык. Также и большинство письменных форм культуры (газеты, книги), несмотря на существование письменности у большинства народностей, обслуживаются на русском языке.

Для нормализации языковой ситуации нужно дать родным языкам полную возможность для функционирования, для чего в первую очередь необходимо изменить ставшую губительной практику воспитания детей в отрыве от родителей, от родной культуры, от традиционных видов трудовой деятельности. Во-вторых, нужно поднять социальный статус родных языков — активизировать их в местном вещании, сделать доступной и разнообразной художественную и детскую литературу на родном языке.

Традиционная культура, мировоззрение малых народностей Севера тесно связаны с их религией — шаманизмом. Это положение все еще остается актуальным, по крайней мере для части населения, главным образом людей пожилого возраста. Эти люди, воспитанные на традиционных нормах поведения, продолжают соблюдать на бытовом уровне некоторые обряды, сохраняется потребность в контакте с шаманом для получения нужного совета, помощи в некоторых житейских ситуациях. Целесообразно вывести эту сторону жизни людей из-под запрета, не делать из этого тайны, порождающей идейные спекуляции, а в отдельных случаях и негативные настроения.

За годы Советской власти партия и правительство приняли к исполнению немало разного рода постановлений, направленных на развитие экономики и культуры народов Сибири и Севера. Так, в 1957 и в 1967 году были приняты постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры народностей Севера». В начале 60-х годов были созданы группы и отделы народов Севера в аппаратах Совмина РСФСР, в обл- и крайисполкомах. Эти меры были направлены на коренное улучшение положения в экономической и социальной сферах жизни народов Севера. Им, в частности, была предоставлена большая экономическая помощь для развития хозяйства, жилищного строительства, более полного обеспечения нужд дошкольных и школьных учебных заведений. Отмечалось особое значение промыслового хозяйства, было обращено внимание на развитие оленеводства как основной отрасли северного промыслового хозяйства. Как результат этих постановлений можно рассматривать осуществление реорганизации большей части колхозов в совхозы, хотя традиционному хозяйству северных народностей близки как раз кооперативные формы производства, часто именно в небольшом коллективе людей, типа семейного подряда, семейных бригад и т. п. Произошло слияние и укрупнение хозяйств, реорганизация их на комплексной основе. Свое завершение получил процесс перевода населения из многочисленных мелких поселков, приспособленных для ведения промыслового хозяйства, в крупные, в ряде случаев вовсе не приспособленные к таковому. В 80-е годы этот процесс в целом (при наличии определенных прогрессивных черт) уже оценивается отрицательно, признан неперспективным, ошибочным. В 1980 году принято новое постановление «О мерах по дальнейшему экономическому и

социальному развитию районов проживания народностей Севера». О том, какие неожиданные формы принимает в ряде случаев претворение в жизнь этого нового постановления, весьма красочно и образно рассказано в статье журнала «Коммунист» № 16 за 1988 год.

В сложившейся ситуации естественно возникает вопрос: почему претворение в жизнь крупных постановлений принимает такой странный характер? Почему положительные по своей сути намерения приносят сплошь и рядом отрицательный результат? Дело в отсутствии обратной связи, в оторванности носителей экономики и культуры, к которым обращены постановления, от тех, кто эти постановления разрабатывает и претворяет в жизнь. В связи с этим при дальнейшей разработке концепции развития народностей Севера необходимо:

1. Учитывать настроения и требования местного, в первую очередь коренного населения, принимая во внимание особую хрупкость его культуры на данном этапе, жизненно важную связь этой культуры с экологией.

2. Всемерно вовлекать местное население, в частности в его лице достаточно многочисленной интеллигенции, в решение всех экономических, социальных, культурных проблем. Прекратить чрезмерную опеку и дать возможность населению самому участвовать в решении своей судьбы, чтобы люди не чувствовали себя изживденцами поневоле.

3. Для того чтобы местное население могло эффективно и квалифицированно участвовать в управлении экономикой, нужно переориентировать подготовку кадров с высшим образованием и готовить не только специалистов гуманитарного профиля, но и специалистов по сельскому хозяйству, в том числе по традиционным отраслям (сейчас всего 0,9 процента специалистов имеют такое образование). Создать сеть учебных центров достаточно широкого профиля на местах, что дало бы возможность более мобильно, чем в условиях практикуемой ныне централизации, удовлетворять потребности в кадрах.

4. Дать местным жителям право на определенные участки территории их проживания, на которые не могли бы претендовать никакие министерства и ведомства и где люди могли бы чувствовать себя хозяевами своей жизни. Рассмотреть, в частности, возможность организации экологических резерватов в рамках биосферных заповедников.

По мнению специалистов, традиционные способы ведения хозяйства еще не исчерпали возможностей своего развития и могут при благоприятных условиях внести большой вклад в благосостояние человечества. В то же время они хорошо совместимы с задачами охраны природы и в этом их огромная ценность. Экологический опыт малых народностей Севера еще может очень пригодиться человечеству в будущем.

5. Обязать министерства и ведомства, эксплуатирующие природные богатства Севера в ущерб местным жителям, выплачивать и выплачивать впредь компенсацию за отторгнутые и обезображенные земли. Эта компенсация в денежной или в какой-то иной материальной форме была бы очень кстати именно теперь.

Известно, что социально-бытовые условия жизни малых народностей Севера весьма неблагоприятны по сравнению со всеми другими этносами в СССР. В национальных поселках ощущается острая нехватка жилья (обеспеченность им не превышает в среднем 4 м² на человека). Жилой фонд преимущественно ветхий, большей частью постройки 50—60-х годов. В большинстве сельских населенных пунктов отсутствуют бытовые удобства: газифицировано лишь 3 %, имеют водозаборные устройства, отвечающие санитарным нормам, — 0,4 %, центральное отопление — 0,1 %. Нет канализации, водопроводов. Снабжение продуктами и промышленными товарами скудное.

6. Усилить, а там, где это нужно, восстановить роль национальной автономии на всех уровнях от поселкового до самого высшего.

7. Рассмотреть вопрос о необходимости и целесообразности привлечения большого количества приезжего, временного населения, в то время как с трудоустройством коренного населения возникают проблемы.

8. При возможных реорганизациях во всех сферах жизни малых народностей Севера основываться на индивидуальных этнических особенностях того или иного региона вплоть до небольшого поселка.

*Е. А. АЛЕКСЕЕНКО, кандидат исторических наук;
Г. Н. ГРАЧЕВА, кандидат исторических наук; Н. В. ЕРМОЛОВА, кандидат исторических наук; Е. Н. МИХАЙЛОВА, кандидат исторических наук; Ч. М. ТАКСАМИ, доктор исторических наук; Л. В. ХОМИЧ, кандидат исторических наук*

ПРОБЛЕМЫ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В УЗБЕКИСТАНЕ

В таджикоязычных районах Узбекской ССР в межнациональных отношениях имеется тенденция к росту напряженности. Узды дружбы, которые связывали таджиков и узбеков, ныне ослаблены. Жалобы таджикского населения можно слышать в семьях, на улице, в обращениях в советские и партийные органы. В чем здесь причины?

I. В Узбекистане долго нивелировалось культурное многообразие, игнорировалась роль ираноязычных народов — в данном случае таджиков — в истории региона.

Фактические данные: в Узбекистане, начиная с 30-х годов, усиливались тенденции узбекизации истории. Узбеки изображались как основное коренное население региона, а участники со-здания величайших памятников культуры и зодчества — таджи-

ки — представлялись некоренными, пришлыми или, в лучшем случае, таджикоязычными узбеками. Подобные трактовки принижают культурные достижения других народов. Амбициозные тенденции, восходящие к националистической идеологии пантюркизма 20-х годов, присутствуют в работах отдельных узбекских ученых и некоторых литераторов. Радикализм в этом вопросе характерен и для ряда печатных органов (например, молодежной газеты «Еш ленинчи»).

Подобные претензии наносят ущерб национальным интересам таджиков, лишают их исторической памяти, вызывают недоумение и раздражение и тех таджиков, которые населяют территорию современного Таджикистана.

II. Денационализация таджиков в Узбекистане принимает необратимый характер.

Согласно опросу, проведенному этнографами в 1988 году в Самарканде, из 1164 человек, сознающих себя таджиками, паспорта с записью о таджикской национальности имеют 222 человека, т. е. немногим более 19 процентов опрошенных. Таджики Узбекистана часто говорят: «Мы — таджики, но по национальности мы узбеки». Руководители УзССР неоднократно заявляли, что «граждане таджикского происхождения, в паспортах которых указано «узбек», могут обменять документы в установленном порядке». После этого хлынул поток заявлений таджиков в органы МВД республики по поводу восстановления правильной записи о национальности. Но там им отвечают, что оснований для этого нет, поскольку, согласно существующему положению, национальность гражданина определяется по национальности его родителей. В органах МВД УзССР гражданам поясняют: «Таджики записаны узбеками потому, что таковыми записаны их родители». Получается замкнутый круг. При переписи населения таджик может записаться и якутом, было бы только его желание, а в паспортных документах это возможно только при условии, если его родители были записаны якутами.

Установленный порядок порочен. В Самарканде, например, во время экспедиции нам попадались лица, в паспортах которых записаны две национальности — если на странице паспорта с русским текстом гражданин записан «таджиком», то на странице с узбекским текстом — «узбеком». В Узбекистане сплошь и рядом встречаются семьи, где часть детей от одних и тех же родителей записаны таджиками, а другая часть (как в случае с греками, переселенными с Украины) — узбеками. Имеется немало свидетельств, когда люди при получении первых паспортов были определены таджиками, а при получении последующих записи о национальности менялись на узбекские (для этой цели были использованы, в частности, рычаги паспортной реформы конца 70-х годов); нынешние руководители Узбекской ССР признали факты несоблюдения закона при выдаче паспортов гражданам таджик-

ской национальности. Существует расхождение в подходе к определению национальности органами ЦСУ и МВД.

В Узбекистане существует порочная практика, заключающаяся в том, что документы на паспорта выпускникам школ оформляются администрацией школы. Данные по национальности выпускников часто берутся субъективно, на основе «чувства долга». В органах народного образования и в самих школах говорят, что впредь администрация школ будет определять национальность школьников по их самоопределению. Для этой цели школы будут проводить анкетирование выпускников.

Требуется корректировка и деятельность работников отделов ЗАГС. Некоторые родители при регистрации рождения детей нередко отказываются от услуг этих учреждений и используют свои связи в сельских органах власти на местах.

В Узбекистане процесс формальной денационализации коснулся не только таджиков. Узбеками записана преобладающая часть ирани, часть казахов, туркмен и людей других национальностей.

III. Демографическая картина, которую дают переписи, проводившиеся в советский период, не отражает реальную этнодемографическую ситуацию в Узбекистане.

Данные этнографии. Таджики Узбекистана высказывали пожелание, чтобы итоги переписи населения 1989 года подводились за пределами Узбекистана. Недоверие к результатам переписей основано на следующем: все данные дореволюционных официальных источников указывают на то, что в Самарканде численность таджиков никогда не опускалась ниже 60 процентов. Преобладание таджиков в этом городе, несмотря на начавшийся уже к началу 20-х годов процесс насильственной узбекизации, подтвердила и перепись 1920 года, согласно которой таджики составляли 54, узбеки — 4 процента. Но уже по итогам переписи 1926 года можно было прийти к заключению о том, что таджиков Узбекистана поразила библейская моровая язва.

О масштабах узбекизации таджиков к середине 20-х годов можно судить по их численности в Самарканде: 1916 год — 59901 человек; 1920 год — 44758; 1926 год — 10716 человек. В Бухарской области в начале 20-х годов было 160000 человек таджиков, а перепись 1926 года зафиксировала 22387 человек. В Бухаре, по данным этой переписи, таджиков оказалось всего 8646 человек. Таким образом, если в 1918 году в Туркестанской АССР таджиков насчитывалось 1,3 миллиона человек, то по переписи 1920 года там их стало менее 400 000 человек. Данное обстоятельство обнаруживает проблему, на которой мы вкратце остановимся.

В 1920 году В. И. Ленин одобрил проект туркестанских коммунистов и Комиссии по делам Туркестана о дальнейшем развитии советской государственности народов Туркестанской республики путем национально-государственного размежевания. Проект,

предложенный туркестанскими коммунистами и Турккомиссией, по существу представлял собой перенос старых концепций национальной политики царизма в новые условия. Обращает на себя внимание следующее замечание В. И. Ленина: «Необходимо, на мой взгляд, проект Рыскулова отклонить». Проект Рыскулова представлял собой идею создания так называемой Тюркской республики в Средней Азии. Ленин отвергает этот проект, поняв его очевидный националистический подтекст. Проект Турккомиссии не смог преодолеть влияния националистических настроений того времени. В печати и устно проводилась мысль о том, что на территории Средней Азии нет таджиков. Когда в 1920 году была утверждена конституция Туркестанской республики, то ее коренными национальностями были признаны только киргизы, узбеки и туркмены; древнейшие жители края, таджики, были «забыты» (Бартольд В. В. Соч. М., 1963. Т. II. Ч. 2. С. 468). Официальная политика игнорировала факт существования таджиков на территории Туркестанской республики. Более того, таджики были лишены права говорить на родном языке. Газета «Туркестан» в номере от 2 января 1924 года писала: «Желание употреблять таджикский язык означает, во-первых, стремление отдалиться от жизни, потому что жизнь и течение истории против него, во-вторых, факт принятия его означает принятие бесполезного и лишнего языка. ...Историческая судьба таджиков, т. е. неизбежность их ассимиляции, решена ходом социального прогресса».

Таким образом, в решении национального вопроса в Средней Азии в первые годы Советской власти сложилась парадоксальная ситуация. Самарканд, Бухара и другие города и районы с преобладающим таджикским населением вошли в Узбекскую ССР. Районирование проходило без учета национальной принадлежности ирано-язычного населения. Этим был достигнут эффект, который дала перепись 1926 года: часть населения при ответе на вопрос счетчиков о национальности отвечала «узбек», имея в виду свою принадлежность к жителям Узбекистана с его столицей в Самарканде. Другая часть пошла на это из опасения лишиться вида на жительство в родном городе или кишлаке, поскольку в ходе переписи таджикам угрожали: «Запишешься таджиком, уедешь в Душанбе». Запугивали не только взрослых, но и детей «обязательной посылкой в Душанбе, если они обучаются таджикскому, а не узбекскому» (Правда Востока. 1926. 30 авг.).

В «Материалах Всесоюзной переписи населения 1926 года в Узбекской ССР» говорится: «Основной формуляр переписи — личный листок, составлявшийся на каждого гражданина республики, был отпечатан на двух языках — узбекском и русском... Была проведена широкая агитационная работа по подготовке населения к переписи. Отпечатанные на узбекском и русском языках брошюры, листовки и воззвания широко распространялись среди масс» (С. 1).

Обратимся к данным последующих переписей. В Итогах Всесоюзной переписи населения 1970 года по городскому населению Самаркандской области узбеков зафиксировано 169493 человек; таджиков — 16334. Всесоюзная перепись населения 1979 года по городу Самарканду дает 224718 узбеков и 64780 человек таджиков. Нетрудно заметить, что прирост таджикского населения за период с 1926 года по 1970 год составляет всего 5618 человек, а в последующие десять лет, начиная с 1970 года, происходит неожиданный демографический взрыв и таджики по темпам своего прироста опережают узбеков. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что из 224718 человек, по данным переписи 1979 года, 52232 человека своим родным языком считают таджикский.

В 1988 году этнографическая экспедиция Ленинградской части Института этнографии АН СССР проводила исследование в Самарканде с целью изучения национального самосознания населения. Было опрошено около трех тысяч человек. Среди опрошенных — 1361 человек старше 18 лет. Из них 173 человека, в том числе 61 женщина, считают себя узбеками, 1164 человека, в том числе 598 женщин, считают себя таджиками. Остальные — это представители ирани, туркмены и др. Сделанный первый шаг в направлении установления национального состава жителей в районах новостроек дал следующие результаты: из 378 квартир 75 занимают представители узбекской и таджикской национальностей. На долю узбеков приходится 21 квартира, таджиков — 53, одну квартиру занимает смешанная узбекско-таджикская семья.

IV. В Самарканде численно преобладают таджики, в управленческом же аппарате представлены в основном узбеки. По данным этнографов, на июль 1988 года из 70 должностей в аппарате Самаркандского обкома КПСС таджики занимают две, столько же, сколько представители украинской национальности, а узбеки — 41, русские — 19. Среди семи ректоров вузов города нет ни одного таджика. Преобладание узбекского населения, например в Самарканде, ощущается и в аппарате горкома КПСС и вообще в административном аппарате города и области.

V. В Самарканде — городе с преобладающим таджикским населением, среди 57 школ нет ни одной с преподаванием на таджикском языке. Последний выпуск детей — таджиков в школах Бухары состоялся в 1976 году. В Самарканде много узбекских классов, в которых либо вовсе нет учащихся — узбеков, либо на 25—30 учеников — таджиков приходится от 1 до 4—5 детей — узбеков. По свидетельству руководителей органов народного образования Самарканда, более 60 процентов контингента учащихся — это дети таджиков. Несмотря на это, в 1987/88 учебном году 10-е классы с таджикским языком обучения окончили лишь 252 человека, узбекские — 1493, русские — 1350.

В Самарканде и Бухаре ядро педагогического состава составляют таджики. Часто приходится слышать жалебы о том, что при сложившейся ситуации педагоги-таджики вынуждены обучать да-

же своих собственных детей на узбекском языке. В Узбекистане таджики на вопрос о родном языке часто отвечают: «узбекский». Для части таджиков родной язык ассоциируется с учебником «Родная речь», по которому они обучаются на узбекском языке в школе.

В результате деятельности бывших руководителей Узбекской ССР страдают и дети узбеков. Узбекские дети, хотя и имеют возможность учебы на родном языке, в стенах школы вынуждены находиться в атмосфере таджикского языка. Трудные положения предмета обучения педагоги объясняют ученикам на таджикском языке. В подобной обстановке многие узбекские дети вынуждены практически учиться и общаться с одноклассниками на таджикском языке, что далеко не способствует повышению уровня их знаний.

Об атмосфере, царящей во многих школах Самарканда, свидетельствует следующий факт. Дети туркмен дома предпочитают говорить на таджикском. Потому что они, так же как и узбекские дети, придя в школу, невольно оказываются «в плену» у языка и воззрений численно преобладающих таджикских детей. Языковую атмосферу этого мира они и приносят домой. Этнографы наблюдают явление и противоположного характера — языковую таджикизацию узбеков. Недостаток внимания к языковому аспекту в узбекско-таджикских межъязыковых и межнациональных отношениях нельзя считать оправданным.

Проблема обучения таджикских детей на родном языке в условиях Узбекистана ныне теснейшим образом связана с проблемой поступления в вуз. В Самарканде, например, вступительные экзамены абитуриентами сдаются в основном на узбекском и русском языках. Следовательно, проблему языковой переориентации школ невозможно решать без демократизации вуза. Установлено, что среди таджиков, проживающих на территории «своей» республики, процент людей с высшим образованием в два раза выше, чем у таджиков, которые живут на территории соседней Узбекской ССР.

VI. В Узбекистане таджики все больше изолируются и удаляются от своих исторических корней.

Данные этнографии. Языковая и социально-культурная ситуация, в которой оказались таджики УзССР, позволяет говорить об этноциде. У таджиков в этой республике нет доступа к национальной культуре, к ее развитию и сохранению. В Самарканде продукция душанбинских издательств продается лишь в одном районе города в маленьком помещении; национальный театр отсутствует; демонстрация фильмов на таджикском языке не практикуется; областные газеты на таджикском языке не издаются; весьма ограничено поступление газет и периодики из Душанбе.

В руководящих кругах Самаркандской области рассуждают буквально так: «Не потребуют ли таджики Самарканда присоединения города к Таджикистану, если былые ошибки будут исп-

равлены?» В действительности вопрос стоит так: «Могут ли таджики, например Самарканда, оставаться таджиками, живя в Узбекистане?»

VII. Таджики Узбекистана всерьез обеспокоены тем, что здесь нет института, который мог бы взять под защиту их национальные интересы. Они считают, что на данном этапе очень нужна Комиссия по делам национальностей при ЦК КП Узбекистана. К ныне действующей Постоянной комиссии при Верховном Совете Узбекской ССР многие таджики Узбекистана относятся скептически.

Представляется целесообразным наличие Представительства Совмина Таджикской ССР при Совмине Узбекской ССР с соответствующими отделениями в Самарканде и Бухаре. Представительство и его отделения на местах могли бы иметь соответствующих уполномоченных, скажем, по кадровым вопросам, вопросам культуры, информации, образования и т. п.

Необходимо тщательно продумать вопрос о статусе таджикского языка в Узбекской ССР. По-видимому, есть смысл в том, чтобы на территориях компактного проживания таджикского населения таджикский язык имел гарантированный статус равенства с узбекским языком. Утверждение узбекского языка в качестве государственного языка Узбекской ССР без учета законных интересов таджикского самым печальным образом может отразиться на языковой и социально-культурной судьбе таджиков республики.

Необходимо еще раз подчеркнуть, что многолетняя искусственная узбекизация отрицательно сказывается не только на положении таджиков; резко обострилась ситуация с турками-мехетинцами*, по-прежнему не решается «хивинская проблема»; многое из того, что было сказано о положении таджиков в Узбекистане, в равной степени относится к другим этническим группам, интересы которых продолжают ущемляться. Все эти проблемы требуют безотлагательного решения на основе компетентного и беспристрастного анализа.

Р. Р. РАХИМОВ, кандидат исторических наук

* Материал Р. Р. Рахимова был подготовлен к публикации до трагических событий в Фергане (прим. сост.)

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Национальные проблемы и этнография	3
Национальные проблемы и экология	5
Национальные проблемы: культура и общество	7
Национальные проблемы и духовная культура	8
Национальные проблемы и религия	11
Национальные проблемы и язык	12
Проблемы межнациональных отношений у народностей Сибири и Севера	15
Проблемы межнациональных отношений в Узбекистане	25